

УДК 821.161.1

*Д.В. Кротова***В. ШАЛАМОВ И М. ЦВЕТАЕВА: РОДСТВО И ПОЛЯРНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКИХ МИРОВ**

Статья посвящена сравнительному анализу образного мира и принципов поэтического мышления В. Шаламова и М. Цветаевой. Формулируемые выводы способствуют углублению литературоведческих представлений о генеалогии Шаламова как поэта, о его многоуровневых взаимосвязях с наследием Серебряного века. В статье показаны черты родства в художественном сознании Шаламова и Цветаевой принципиальные расхождения. В сопоставительном анализе были затронуты такие критерии, как восприятие феномена поэзии и личности поэта, понимание взаимоотношений поэта и мира, осмысление процесса творчества, а также трактовка отдельных тем, наиболее значимых в лирике названных авторов. Доказывается, что Шаламову и Цветаевой было свойственно понимание поэзии как некоего универсального закона бытия, онтологической основы всего сущего, что и повлекло за собой определенные черты родства в видении личности творца, интерпретации отдельных тем, в особенностях поэтической техники. Наряду с общностью, выявлены и принципиальные расхождения анализируемых художественных систем, касающиеся, главным образом, проблемы взаимоотношений поэта и мира, поэта и времени, а также ряда тематических аспектов.

Ключевые слова: русская поэзия, Шаламов, Цветаева, Серебряный век, модернизм, творческий процесс, поэт и время.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-578-588

Вопрос о поэтической генеалогии Шаламова, о взаимоотношении его художественного мира с традициями Серебряного века до сих пор еще не вполне проработан в литературоведении. Весомые суждения формулируются в трудах В.В. Есипова (особенного внимания заслуживает обширное предисловие и комментарии к двухтомному изданию стихотворений и поэм Шаламова, вышедшему в свет в июле 2020 года) [6]. Вопрос о творческих истоках Шаламова-поэта затрагивался Вяч. Вс. Ивановым [10], Р. Чандлером [31]; наблюдения о взаимосвязи лирики Шаламова с образным миром А. Блока, А. Ахматовой и других художников эпохи Серебряного века содержатся в трудах Л.В. Жаравиной [8; 9]; преемственность Шаламова по отношению к поэтическому наследию XIX столетия отмечает И.А. Макевнина [14]; тема «Шаламов и Пастернак» обсуждалась Н.Б. Ивановой [11], Е.Л. Гофманом [4].

Вместе с тем, вопрос о соотношении принципов художественного мышления Шаламова с традициями Серебряного века (связь с которыми сам поэт неоднократно подчеркивал, называя себя «наследником <...> модернизма начала века» [24, т. 5, с. 323]) пока еще раскрыт далеко не в полной мере. Важной гранью заявленной проблемы является сопоставительный анализ творчества Шаламова и Цветаевой, выявление как родства и взаимосвязей их поэтических миров, так и кардинальных расхождений.

Для Шаламова Цветаева была одной из самых значимых фигур. В эссе «Рифмы» Шаламов относит Цветаеву к числу «больших наших поэтов», сходную оценку он высказывает и в заметках «Таблица умножения для молодых поэтов» и «Ахматова», где имя Цветаевой названо в «высшем ряду русской лирики XX века» [24, т. 5, с. 194]. В письме к Пастернаку от 24 декабря 1952 г. Шаламов отмечает, что хорошо знает «Версты» Цветаевой и с большим удовольствием перечитывает их снова [24, т. 6, с. 18], а в письме к тому же корреспонденту от 28 марта 1953 г. говорит о своем «уважении к поэтическим работам Цветаевой, восхищении ее стихами» [24, т. 6, с. 24]. Данью памяти Цветаевой стал посвященный ей цикл Шаламова, впервые опубликованный в 2020 г. в двухтомнике серии «Новая библиотека поэта» [26, т. 2, с. 154–155].

Существуют и другие документальные подтверждения глубоко заинтересованного отношения Шаламова к творчеству Цветаевой. Так, автор донесения на Шаламова от 21 июня 1956 г. указывал: «Любит Шаламов Марину Цветаеву (она повесилась по личным мотивам)» [23].

Наиболее детально Шаламов был знаком с доэмигрантской лирикой Цветаевой (в цитированном письме к Пастернаку от 28 марта 1953 г. Шаламов уточняет: «...кроме «Верст» знаю лишь несколько ее замечательных стихотворений» [24, т. 6, с. 24]). Публикации стихотворений Цветаевой в СССР были весьма ограничены. С учетом этого факта, сопоставительный анализ творчества двух

поэтов представляется целесообразным основывать преимущественно именно на наследии Цветаевой 1910–1920-х гг., но, в то же время, с необходимым привлечением и более поздней лирики.

При рассмотрении вопроса о взаимодействии художественных систем названных поэтов вряд ли будет справедливым утверждение об определяющем влиянии творчества Цветаевой на Шаламова. Непосредственное воздействие оказали на Шаламова иные поэтические системы, в частности, акмеизм, принципы которого нашли безусловное отражение в шаламовской лирике, диалог с Гумилевым, Мандельштамом, Ахматовой продолжался на протяжении всего творческого пути поэта. Вместе с тем, приведенные выше документальные свидетельства говорят о том, что поэтическое наследие Цветаевой играло для Шаламова весьма существенную роль. Шаламов и Цветаева, на наш взгляд, стали выразителями как общих, так и противоположных, контрастных тенденций в развитии поэтической культуры XX в. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы раскрыть оба намеченных вектора.

В первую очередь, необходимо рассмотреть вопрос о *восприятии поэзии* Шаламовым и Цветаевой. Для обоих художников поэзия является высшим началом, объектом преданного служения и главным наполнением жизни. Шаламов прямо признавался, что поэзия для него обретает значение религии. Он не был верующим человеком («веру в Бога я потерял давно, лет в шесть» [24, т. 4, с. 146]) и говорил о том, что его «Богом» является именно поэзия. «Да, я верю, что именно мое искусство, моя религия, вера, мой нравственный кодекс сохраняли мою жизнь для лучших дел. Кроме бога поэзии, никому более я не благодарен за мою судьбу...» [24, т. 3, с. 473], – признавался Шаламов. Цветаева, в отличие от Шаламова, не склонна воспринимать поэзию как своего рода «религию». Природа поэзии, по Цветаевой, – стихия. Современный исследователь, анализируя концепцию творческой личности у Цветаевой, отмечает: «...поэт – это тот, кто всегда с упоением бросается навстречу стихиям; тот, кто не может жить вне стихий, так как душа его сотворена из тех же элементов, что и стихии» [22, с. 146]. Если Цветаева и проводит параллели между поэзией и религиозной сферой, то говорит о «многобожии» поэта, утверждая, что «христианский Бог *входит* в сонм его богов» [21, т. 5, с. 363]. При этом Шаламов и Цветаева безусловно сближаются в восприятии поэзии как высшего начала, а искусства – как силы, ни с чем не соизмеримой по степени своего воздействия.

Шаламова и Цветаеву объединяет и страстный пиетет по отношению к фигуре поэта – хотя в их видении образа и личности художника есть и существенные различия. Шаламов называет поэтов «живые Будды», т.к. в его понимании поэт – это не только выразитель прекрасного, но и носитель высшей моральной истины, нравственный образец, ориентир и объект преклонения. Именно таким Шаламов видел Пастернака («должны же быть живые Будды, // Не только персонажи книг» [24, т. 3, с. 383], – говорит Шаламов в стихотворении, посвященном памяти Пастернака); образ «живого Будды» возникает и в адресованной Ахматовой записке, которую Шаламов направил лежащей в больнице поэтессе в январе 1965 г. [24, т. 6, с. 408].

Цветаевой также было свойственно преклонение перед личностью поэта, восприятие ее в ореоле «сверхземных» сил. Ярчайшими образцами цветаевского видения образа поэта являются стихи к Пушкину, а также и к поэтам-современникам – прежде всего, Блоку и Ахматовой. Так, в «Стихах к Блоку» личность поэта осмыслена как обладающая не столько человеческой, сколько серафической (и одновременно демонической) сущностью. Но при этом Цветаева, в отличие от Шаламова, не склонна безусловно наделять фигуру поэта нравственными функциями. Если в представлении Шаламова поэт – это прежде всего этический ориентир, моральный камертон общества, то Цветаевой свойственно иное понимание. В знаменитом эссе «Искусство при свете совести» она размышляет: «Когда я думаю о нравственной сущности этой человеческой особи: поэта, я всегда вспоминаю определение толстовского отца в «Детстве и Отрочестве»: – Он принадлежал к той опасной породе людей, которые один и тот же поступок могут рассказать как величайшую низость и как самую невинную шутку» [21, т. 5, с. 354]. Поэт находится во власти стихий, которые не несут добра или зла сами по себе. И. Шевеленко приходит к выводу о том, что художника, по Цветаевой, характеризует «объективная безответственность, с которой входит в неразрешимое противоречие навязываемое ему культурой и человеческим естеством чувство ответственности» [28, с. 398]. Согласно логике размышлений Цветаевой, «искусство тот гений, в пользу которого мы исключаемся (выключаемся) из нравственного закона» [21, т. 5, с. 353], «художественное творчество в иных случаях некая атрофия совести, больше скажу: необходимая атрофия совести, тот нравственный изъян, без которого ему, искусству, не быть» [21, т. 5, с. 353]. По Шаламову, искусство в принципе несет в себе добро (хотя в процессе самого творческого акта человек испытывает действие сил, лежащих вне нравственных категорий). В письме к Пастернаку от 24 декабря 1952 г. Шаламов

признается: «...я верю давно в страшную силу искусства. Силу, не поддающуюся никаким измерениям, и все же могучую, ни с чем не сравнимую силу <...> художник, умерший много веков назад, силой своего искусства воспитывает людей до сих пор, что может быть завидней такой силы и какое счастье может ощущать тот, кто положил свой камень в это вечное здание» [24, т. 6, с. 16]. Даже поздние высказывания Шаламова, которые порой интерпретируются читателями как отрицание значимости искусства, на самом деле свидетельствуют лишь о том, что он не воспринимал искусство как социальный или политический инструмент, полагая, что оно не влияет напрямую на жизнь общества. Но моральную значимость искусства для личности Шаламов при этом сомнению не подвергает (см. об этом подробнее: [13]). С точки зрения Цветаевой, искусство далеко не всегда несет в себе положительный нравственный заряд. В эссе «Искусство при свете совести» Цветаева утверждает: «...если хочешь служить Богу или людям <...> делать дело добра, поступай в Армию Спасения или еще куда-нибудь – и брось стихи» [21, т. 5, с. 374]. При всех очевидных различиях в интерпретации темы творчества и творца, и Шаламов, и Цветаева воспринимают поэта как личность исключительную, а поэзию как некий центр – своего персонального бытия и бытия мирового.

Наряду с отмеченными чертами общности, в ряде своих творческих и мировоззренческих установок Шаламов и Цветаева предстают антиподами, а конструируемые ими художественные миры базируются во многом на принципиально разных основаниях.

Прежде всего эти различия касаются *взаимоотношений поэта и мира*, поэта и среды. В понимании Цветаевой, тот, кто наделен поэтическим даром, противостоит миру. Поэта окружает обыденность, страшная в своей косности бытовая жизнь, а талант делает человека причастным высшим онтологическим началам, возносит прочь от удушья повседневности. Линия противопоставления поэта и косной среды проводится в целом ряде цветаевских стихотворений. «Спеленутых, безглазых и безгласных // Я не умножу жалкой слободы» [21, т. 1, с. 570], – возглашает лирическая героиня Цветаевой, осмысливая мир поэта и мир обыденности как предельно контрастные, глубоко чуждые друг другу. Столь же лапидарно прочерчено подобное противопоставление в стихотворении «Кто создан из камня, кто создан из глины...», где брэнному миру противостоит одухотворенный символ поэта – «высокая пена морская». В стихотворении «На што мне облака и степи...» из цикла «Ремесло» прямо декларируется принципиальная грань, водораздел, лежащий между поэтом и миром. Поэту не нужна «вся подсолнечная ширь», потому что у него есть дар, и сфера бытия художника – не мир, а искусство. Идея о внеположности поэта по отношению к его окружению, об экзистенциальном конфликте поэта и действительности в творчестве Цветаевой рассматривается в трудах таких ученых, как О.Г. Ревзина [18], С.И. Ельницкая [5], И.Д. Шевеленко [28], О.А. Скрипова [20], О.О. Надыкто [16] и др.

В лирике Шаламова очевидна противоположная тенденция. Поэт вовсе не противостоит миру. Дар не отдаляет его от окружения, не дистанцирует гения от повседневности. Лирический герой Шаламова в полной мере погружен в обыденную жизнь, он так же причастен к ее течению, как и любой другой человек. Поэт Цветаевой страдает от того, что его «безмерность» не принимается «в мире мер», и высота его духа входит в трагическое несоответствие с обыденностью. Поэт у Шаламова – абсолютно такой же человек, как и все, кто его окружает, он переживает точно такую же боль и такое же страдание – от голода и холода, болезней и одиночества. Дар не отстраняет поэта от мира, а напротив, обязывает свидетельствовать о том, что переживают сотни и тысячи людей. «Но, прячься за моей спиной, // Лежит и дышит шар земной, // Наивно веря целый день // В мою спасительную тень», – утверждает поэт в стихотворении «Все так. Но не об этом речь...» [24, т. 3, с. 52]. Если лирическая героиня Цветаевой утверждала, что «верховный рудокоп» ее «заворожил от света Божья», то лирический герой Шаламова признается: «Я будто волочу // Весь мир сейчас с собою // И сызнова хочу // Зажить его судьбою» [24, т. 3, с. 273].

Закономерным следствием названных установок художественного мышления Шаламова и Цветаевой становятся и характерные формы лирического высказывания двух поэтов. Цветаевское чувство противостояния миру, «эгоцентрическое, личностное начало» [1, с. 207–208] диктовало в большинстве случаев именно форму лирического «я»; Шаламов же, со свойственным ему острым ощущением причастности поэта миру, не так редко прибегает к форме лирического «мы». Цветаева «одна за всех, из всех, противу всех», а Шаламов порой стремится выступать в лирике от имени многих («Не суди нас слишком строго...», «Льют воздух, как раствор...», «Наше счастье, как зимняя радуга...», «Школа в Барагоне», «С годами все безоговорочней...», «Исполнение желаний» и др.) Безусловно, это не ведет к нивелировке индивидуального, субъективного в поэзии Шаламова. Но в целом, не схематизируя и ос-

мысливая сложность и внутреннее богатство художественных миров обоих поэтов, общий вектор противопоставления ярко выраженного индивидуалистического начала и стремления быть «голосом многих» в мышлении Шаламова и Цветаевой, на наш взгляд, будет справедливым.

Разнонаправленность миров двух поэтов проявляется и в том, что Шаламов и Цветаева принципиально различным образом понимают вопросы *о природе творчества и личности художника*. По Цветаевой, творчество – это «наитие стихий», момент сопричастности высшим, надчеловеческим началам. У Цветаевой поэт, будучи связан с миром стихий, наделен даже «внешним» атрибутом высшей сущности – крыльями. Это сквозная метафора творчества Цветаевой, которая пронизывает всю ее лирику, от ранних стихотворений до позднейших. А. Саакянц, размышляя о стихотворении «Идите же! – Мой голос нем...», отмечает: «Два огненных крыла – этот впервые появившийся образ пройдет через всю поэзию Цветаевой. Образ крылатого Гения вдохновения, парящего над поэтом» [19, с. 19]. Крылья становятся одновременно и характеристикой внутреннего мира поэта, и атрибутом его «облика».

Вообще, в лирике Цветаевой доэмигрантского периода специфически осмыслен образ *телесности поэта*: обладающий даром наделен и прекрасным, совершенным телом, которое, в той же мере, что и сознание, несет в себе печать избранности, отличается от брэнного земного устройства обычных людей, созданных «из камня», «из глины», «из плоти». Если «земных» людей ожидают «гроб и надгробные плиты», и их удел – тлен, то поэта «земною не сделаешь солью». Телесный облик самой лирической героини Цветаевой очерчен в ее лирике 1910-х-начала 1920-х гг. достаточно условно, но во многих случаях исключительно возвышенно: «зелень глаз моих, и нежный голос, и золото волос»; «восхитительный выгиб лба»; «нежная рука». «Высокий стан» и «высокий сан» рифмуются в стихотворении «Что другим не нужно – несите мне!». Исключительную роль в характеристике телесности поэта играет неоднократно повторяющийся в цветаевской лирике образ сердца – «колокола», «что кремлевских тяжеле» [21, т. 1, с. 309]. Душевно-физический мир поэта наделен даже «сверхчеловеческими» свойствами, исключительной энергетикой и силой. «Нет, выпростаю руки! – Стан упругий // Единым взмахом из твоих пелен, // – Смерть, выбью! – Верст на тысячу в округе // Растоплены снега и лес спален» [21, т. 1, с. 570], – так изображено своего рода «воскресение» поэта, способного победить смерть, – не только духовно, своими творениями, но и преодолевая тлен энергией своей живой плоти. В более поздней лирике Цветаевой раскрывается и иная грань видения корпоральной сферы, как, например, в стихотворении «Жив, а не умер...» (1925), где лирическая героиня чувствует себя «в теле, как в склепе», «как в стойле». Но для ранней Цветаевой характерно именно одухотворение физического мира поэта и раскрытие его необычных и исключительных свойств, продиктованных причастностью художника высшим началам. А. Саакянц даже замечает, что «Марина Цветаева, великий поэт, была, как нам представляется, создана природой словно бы из “иногое вещества”: всем организмом, всем своим человеческим естеством она тянулась прочь от земных «измерений» в измерение и мир (или миры) – иные, о существовании которых знала непреложно» [19, с. 155].

Творческий процесс, а также личность и облик поэта в лирике Шаламова мыслятся принципиально иначе, нежели у Цветаевой. Шаламову в целом были чужды мистические элементы в понимании природы художественного творчества. На первом плане у Шаламова оказываются категории таланта и жизненного опыта – хотя Шаламов и признавал, что «вне» художника существует «огромная сила, которая рвется на бумагу – поэт должен быть в силах обуздать этот поток» [24, т. 5, с. 50]. Но «поток» Шаламов склонен осмысливать не в мистическом, а в эстетическом ключе.

С подобной установкой связана и *специфика осмысления Шаламовым душевно-телесного мира поэта*. Если для Цветаевой ключевой характеристикой поэта становится возвышенность, созвучность стихиям (отсюда и метафора крыльев в изображении и осмыслении облика поэта), то в представлении Шаламова поэт предстает человеком, сопричастным обыденной жизни. Его физический, физиологический мир ничем не отличается от мира других людей. Тело нуждается в пище, сне и отдыхе, оно страдает, отягощенное болезнями и муками голода. Облик поэта в интерпретации Шаламова, в отличие от цветаевского видения, зачастую лишен каких бы то ни было исключительных черт, и цветаевская метафора «крыльев» к шаламовскому пониманию образа художника была бы абсолютно неприложима (в целом романтическая традиция, наследницей которой является Цветаева, в том числе, в осмыслении образа поэта, для Шаламова отнюдь не столь значима). «Хранитель языка – отнюдь не небожитель» [24, т. 3, с. 429], – утверждает Шаламов.

Как и другие узники, лирический герой Шаламова мечтает прежде всего о пище и отдыхе. Его воображение рисует картины сбывающейся мечты, как, например, в стихотворении «Исполнение жела-

ний»: «Мы дружно чавкаем над миской // И обжигаем супом рты, // И счастье к нам подходит близко, // И исполняются мечты [24, т. 3, с. 170]. Не случайно в этом стихотворении представлено не «лирическое «я», а «лирическое «мы»: таким образом подчеркивается, что поэт – один из многих, его опыт – это опыт тысяч людей, таких же, как он сам. Его телесный мир – точно такой же, как и у всех, и вместе с другими изможденными и голодными людьми он был бы счастлив теплом, кровом и пищей.

Размышляя о феномене творчества, Шаламов и Цветаева принципиально различным образом осмысливают *категорию опыта*. Цветаева не склонна абсолютизировать значимость опыта для художника. Как известно, она делила поэтов на две группы: «поэты с историей» и «поэты без истории». Категория опыта оказывается безусловно важна лишь для «поэтов с историей», поскольку «они открывают себя через все явления, которые встречаются на пути, в каждом новом шаге и каждой новой встрече <...> Их путь есть путь опыта» [21, т. 5, с. 398–399]. Для «поэтов без истории» – чистых лириков – категория опыта оказывается, по Цветаевой, абсолютно не значимой. «Очевидность, опыт для них – ничто <...> Весь эмпирический мир для них – чужеродное тело» [21, т. 5, с. 402].

Приведенные высказывания Цветаевой диаметрально противоположны представлениям Шаламова. С точки зрения Шаламова, опыт является важнейшим компонентом становления любого подлинного художника и развития его творчества. По Шаламову, именно пережитое и пережитое становится основой и содержанием творчества, и вне опыта поэт просто не может состояться. «Стихи – это опыт», – такое название дал Шаламов одному из своих очерков, в котором он подробно аргументирует заглавный тезис [24, т. 5, с. 54].

«Без чистой крови нет стихотворений, нет стихотворений без судьбы, без малой трагедии», – утверждает Шаламов в своем эссе «Кое-что о моих стихах» [24, т. 5, с. 111]. Яркое выражение эта идея обрела в следующих поэтических строках:

Стихи – это судьба, не ремесло,
И если кровь не выступит на строчках,
Душа не обнажится наголо,
То наблюдений, даже самых точных,

И самой небывалой новизны
Не хватит у любого виртуоза,
Чтоб вызвать в мире взрывы тишины
И к горлу подступающие слезы [24, т. 3, с. 388].

Глубоко закономерным в шаламовской системе координат выглядит утверждение, что «в лицейском Пушкине нет еще поэта, и напрасно школьников заставляют учить “Воспоминания в Царском Селе”» [24, т. 5, с. 11]. Ведь юный Пушкин еще не обладал существенным жизненным опытом, а без опоры на пережитое, согласно глубокому убеждению Шаламова, не может быть подлинной поэзии.

Цветаеву Шаламов считал «книжным» поэтом (т.е. ориентированным в значительной степени не только на жизненный, но и на литературный опыт), но при этом ценил ее творчество очень высоко: «У больших поэтов есть книжность – ярчайшие представители книжного стиха – это Мандельштам и Цветаева, – но у них у обоих сквозь книжность так ярко проступает судьба, так ярко чувствуется боль, что даже сам уход в книжность кажется стремлением защититься от этой боли» [25, т. 4, с. 334].

Глубинные различия художественного мышления Шаламова и Цветаевой касаются и интерпретации ряда важнейших для обоих поэтов тем. Речь идет, в частности, о трактовке темы *одиночества*. И у Шаламова, и у Цветаевой она играет огромную роль, но ее толкование оказывается во многом противоположным. Так, в лирике Шаламова одиночество – это сугубо негативная категория. Представление об одиночестве оказывается в том же семантическом ряду, что холод, голод, боль и страдание. «Я беден, одинок и наг...» – такова первая строчка впечатляющего накалом муки стихотворения из «Синей тетради». Чувство одиночества, бедность и нагота здесь в равной степени характеризуют состояние лирического героя, воссоздают картину его наполненного болью существования. Пронзительное одиночество передано и в стихотворении «Я жаловался дереву...», где единственным собеседником поэта и единственным живым существом, которому он может довериться, становится именно дерево. О человеческом сочувствии лирический герой Шаламова здесь даже и не помышляет.

Но сильнейшую потребность в участии, тепле и сострадании Шаламов, безусловно, ощущал. Одним из самых острых воплощений этой душевной потребности является стихотворение «Мне надоело любить животных...», где шаламовский лирический герой с болью признается: «Рук челове-

ских надо мне, // Прикосновений горячих, потных, // Рукопожатий наедине» [24, т. 3, с. 204]. Здесь ощутимо сильнейшее стремление к изживанию, преодолению одиночества.

В прозе Шаламова находим и иные характеристики – например, в автобиографическом «антиромане» «Вишера» писатель отмечает: «...одиночество – это оптимальное состояние человека <...> Идеальная цифра – единица» [24, т. 4, с. 152]. В поэтическом же творчестве Шаламова отразилось прежде всего представление о тягостном, безотрадном одиночестве.

В стихотворениях Цветаевой тема одиночества играет не меньшую роль, чем у Шаламова, но трактуется зачастую совершенно иначе. По Цветаевой, для *поэта* состояние одиночества – органичное и даже единственно возможное. Поэт одинок всегда – и иначе быть не может. Поэты – «лишние, добавочные, // Не вписанные в окоём». Очевидно, что окружение отторгает художника как нечто инородное: миру «гирь» и «мер» не нужна и непонятна «невесомость» и «безмерность», и потому одиночество поэта фатально и неизбежно. В стихотворении «Когда я гляжу на летящие листья...» лирическая героиня осмысливает себя и свою судьбу сквозь призму пронзительной метафоры: листа, который, «явственно желтый, решительно ржавый», остался один на вершине осеннего дерева.

Если лирический герой Шаламова страдает от своего одиночества, то в понимании Цветаевой это состояние нередко становится желанным: «Есть некий час – как сброшенная клажа...», «Тише, хвала!..», «Уединение: уйди...» и др. В качестве высшей награды одиночество осмысливается в стихотворении «Сад»:

Скажи: довольно мўки – на
Сад – одинокий, как сама.
(Но около и Сам не стань!)
– Сад, одинокий как ты Сам [21, т. 2, с. 320].

Одиночество становится настолько острой потребностью лирической героини Цветаевой, что она даже от высших сил требует не вторгаться в ее уединенность и подарить ей тот сад («а может быть – тот свет?»), где она сможет, наконец, быть одна. Согласно верному наблюдению О. Надыкто, лирическая героиня Цветаевой «находит истинную свободу в экзистенциальном одиночестве» [15, с. 14] (что, безусловно, не исключает в лирике Цветаевой и мотивов тоскливого, горького одиночества).

При сопоставлении художественных систем Шаламова и Цветаевой на первом плане оказывается еще один значимый содержательный аспект, который в лирике Шаламова является основополагающим, а для Цветаевой – одним из весьма существенных. Речь идет об интерпретации *темы природы*. В образном мире Шаламова она играет первостепенно значимую роль. Природные образы присутствуют в большинстве шаламовских стихотворений, и их семантическая нагрузка в его лирике весьма велика. Сам Шаламов признавался: «Привлечение, вовлечение мира в борьбу людей, в злободневность считаю своей заслугой в русской поэзии. <...> пресловутой пушкинской, равнодушной природы – в мире нет. А природа всегда или за человека, или против человека» [24, т. 3, с. 489–490]. Ярчайший пример – образ стланика, который появляется и в лирике, и в прозе Шаламова. Этот вечнозеленый хвойный кустарник, выдерживающий даже самые лютые морозы, воскресающий с каждой весной, становится для Шаламова символом борьбы и выживания там, где выжить невозможно. В стихотворении «Стланик» очевидно прослеживается символическая параллель между мирами природы и человека, между противостоянием лютому холоду зимы – и противостоянием злу.

Специфическая шаламовская черта в трактовке образов природы – наделение ее реалий человеческими чувствами, эмоциональным миром и даже человеческой «телесностью» («руки» сосны и стланика [24, т. 3, с. 323, с. 231], «плечистый» клен [26, т. 1, с. 188], «трава, ползущая на брюхе» и «гора с лицом седой старухи» [27. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 3] и мн. др.) Мир природы оказывается «душевно» и «физически» близок миру людей. Две эти сферы проецируются друг на друга и осмысливаются в тесном взаимодействии. Как отмечают исследователи, «природа порой предстает у Шаламова высшим одушевленным существом» [29, с. 228], «в поэзии Шаламова очеловечивание природы становится константой» [17, с. 141].

Иной взгляд на природный мир раскрывается в лирике Цветаевой. Шаламов в письме к Пастернаку от 28 марта 1953 г. высказал мысль о том, что «Цветаева – горожанка, которая и природы-то никакой не видела, а только читала о ней» [24, т. 6, с. 28]. Подобная оценка представляется не вполне справедливой, хотя необходимо учитывать, что Шаламову, как и другим читателям его поколения, была более известна дореволюционная поэзия Цветаевой, где образы города играют огромную роль, а

в пейзажных картинах на первом плане нередко оказываются условно-романтические или фольклорные элементы (речь идет, в частности, об образном мире сборников «Версты»). Вместе с тем, уже в лирике этого периода появляется важнейший природный образ всего творчества Цветаевой – рябина, которая ассоциируется с частной судьбой поэта и, в то же время, становится символом России.

В творчестве периода эмиграции у Цветаевой природные образы обретают исключительную значимость и раскрываются с особенной глубиной. Одним из наиболее репрезентативных примеров является цикл «Деревья» (1923). Если в представлении Шаламова миры природы и человека предельно сближены, то в названном цикле Цветаевой они очевидно противостоят друг другу. Полярность намечена уже в первых же строках стихотворения, открывающего цикл, где лирическая героиня сразу же отчетливо противопоставляет мир смертных, в котором ей видится лишь «двоедушье дружб и удушье уродств» [21, т. 2, с. 142], – и сферу природы. В отличие от шаламовского представления о природе как активном и равнодушном участнике человеческой жизни, у Цветаевой природа здесь предельно дистанцирована от мира людей с его ложью и противоречиями; она раскрывается исключительно как высшее, «надчеловеческое» начало, в котором поэт видит глубинное созвучие своей собственной душе («Деревья! К вам иду! Спасись // От рева рыночного! // Вашими вымахами ввысь // Как сердце выдышано!» [21, т. 2, с. 143]), но никак не человеческому миру в целом.

Сопоставляя художественные миры Шаламова и Цветаевой, необходимо затронуть вопрос о понимании обоими авторами особенностей *поэтической техники*. В этом отношении (как и в ряде охарактеризованных выше образно-содержательных установок) Шаламов и Цветаева оказываются одновременно и близки, и антиномичны.

Оба поэта отводят огромную роль в процессе творчества самому слову как автономной силе. Цветаева подчеркивала, что не она пишет произведение, а «вещь, путем меня, сама себя пишет» [21, т. 5, с. 285]. Эта идея неоднократно находила отражение и в поэзии Цветаевой, например, в известных строках: «Поэт – издали заводит речь. // Поэта – далеко заводит речь» [21, т. 2, с. 184]. По мнению Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель, «речетворчество М. Цветаевой основано <...> на стремлении добраться «до глубины, до самой сути» явлений с помощью *метафорических* и *фонетических* уподоблений, как бы укорененных в самом языке» (курсив авторов – Д.К.) [12, с. 105].

Понимание Шаламовым роли языкового начала в творческом процессе было близко цветаевскому. В эссе «Свободная отдача» Шаламов размышляет о том, что поэт – «прибор, с помощью которого природа рассказывает о самой себе», а «рабочий процесс поэта – поставлен на службу природе на “свободном ходу”» [24, т. 5, с. 49]. С этим утверждением соотносится и суждение Шаламова о рифме как «поисковом инструменте» стиха. Как отмечает В.В. Есипов, «свое давно выношенное наблюдение о том, что рифма – не формальный прием, а своеобразный художественный радар, поисковый инструмент поэтической мысли, Варлам Шаламов высказал в одном из писем Борису Пастернаку, а затем многократно воспроизводил этот вывод в своих размышлениях о поэзии» [7, с. 45]. Именно благодаря рифме, как полагал Шаламов, нужные образы и метафоры сами приходят в стихотворение.

Родственные черты поэтической техники Шаламова и Цветаевой заключаются и в *важнейшей роли звукового компонента стиха*. По Шаламову, «звуковой каркас – это и есть та самая художественная ткань, на которой вышиваются самые сложные философские узоры. Самостоятельная область познания мира...» [24, т. 7, с. 261]. Размышляя о значимости акустического компонента в лирике, Шаламов обращается и к творчеству Цветаевой. Так, в цитированном эссе «Звуковой повтор – поиск смысла» Шаламов утверждал, что Цветаева была «несравненным звуковым организатором своих стихов», «все поэтические истины добыты Цветаевой с помощью звукового повтора» [24, т. 7, с. 253, с. 263]. Сама Цветаева неоднократно признавала важность этого компонента в своем творческом процессе: «Слышу не слова, а какой-то беззвучный напев внутри головы, какую-то слуховую линию – от намека до приказа» [21, т. 5, с. 370]. М.Л. Гаспаров высказывал сужение о том, что Цветаевой было свойственно «сближение слов по звуку и вслушивание в получившийся новый смысл», а «следуя логике звукового развертывания слов, Цветаева приходила порой не к тому, к чему предполагала» [3]. По мнению Е.Г. Эткинды, «для М. Цветаевой звуковой образ не только необходим, он часто и достаточен» [30, с. 298]. В этом отношении и Шаламов, и Цветаева являются безусловными продолжателями символистских поэтических традиций (ср. роль звукового начала в творчестве К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, Вяч. Иванова).

В то же время, несомненны и позиции принципиальных расхождений в поэтической технике Шаламова и Цветаевой. Так, Шаламов полагал, что «не надо покидать традиционные русские размеры,

которые не исчерпывают и миллионной доли возможностей, которые в них заложены» [24, т. 5, с. 90]. Цветаевская же лирика (особенно поздняя) демонстрирует ярчайшие образцы обновления сферы метрики, ритмики и строфики.

На основании проведенного анализа можно заключить как об элементах глубинной общности поэтических систем Шаламова и Цветаевой, так и о принципиальных расхождениях. И Шаламов, и Цветаева мыслят поэзию чрезвычайно широко, не только как область словесного творчества, но как некий природный и даже общемировой закон, основу бытия и естества. Стихи Шаламов интерпретировал как «всеобщий язык», как «то чудесное число, на которое любое явление мира делится без остатка» [24, т. 5, с. 52]. Цветаева также видела стихи неким универсальным мировым началом: «...структура моря, структура крови и структура лирики – одна и та же» [21, т. 5, с. 406]. Символистские корни этой идеи несомненны – достаточно вспомнить высказывание Бальмонта о том, что «весь мир есть изваянный Стих» [2]. Названная общая установка поэтического мышления Шаламова и Цветаевой влечет за собой и другие принципиальные схождения, проанализированные в статье: в восприятии фигуры поэта и роли поэзии, в вопросах поэтической техники, интерпретации ряда тем и пр.

Столь же значимыми выглядят и глубинные расхождения в творческом сознании Шаламова и Цветаевой, обусловленные, главным образом, кардинально различным пониманием взаимоотношений поэта и мира: цветаевская принципиальная отделенность и даже конфликтность поэта по отношению к миру – и убежденность Шаламова в том, что поэт говорит от имени многих и глубоко причастен общей боли. Если поэт в восприятии Цветаевой тяготеет к пространству Вечности («*мимо* родилась Времени», «время, я тебя миную!» [21, т. 5, с. 197]), то в видении Шаламова поэт всегда и неизбежно принадлежит своему времени, являясь его самым правдивым очевидцем. Цветаевой тоже было свойственно представление о том, что истинный художник свидетельствует о своем времени, но это свидетельство она понимала во многом как «мимо-вольное, то есть роковое: не могу *не*» [21, т. 5, с. 343].

Проведенный в статье сравнительный анализ художественных систем двух поэтов позволяет уточнить вопрос о творческой генеалогии Шаламова, показать напряженный и продуктивный диалог автора «Колымских тетрадей» с традициями Серебряного века, а также проследить разнонаправленные тенденции в развитии поэтического искусства в XX столетии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраменко А.П. М.И. Цветаева // История русской литературы XX века (20-90-е годы). Основные имена. М.: Омен, 1998. С. 207–208.
2. Бальмонт К.Д. Поэзия как волшебство. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/balmont-poezia-kak-v/balmont-poezia-kak-v.html>
3. Гаспаров М.Л. Марина Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова. URL: <http://philology.ru/literature2/gasparov-01.htm>
4. Гофман Е. «Видны царапины рояля...»: О четырех стихотворениях Варлама Шаламова на смерть Бориса Пастернака // Знамя. 2015. № 3. С. 198–207.
5. Ельницкая С. Поэтический мир Цветаевой. Конфликт лирического героя и действительности. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1990. 409 с.
6. Есипов В.В. Стихи после Колымы (поэтический дневник Варлама Шаламова) // Шаламов В. Стихотворения и поэмы. В 2 тт. Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. В.В. Есипова. Т. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Изд-во «Вита Нова», 2020. С. 5–70.
7. Есипов В.В. Варлам Шаламов и его современники. Вологда: Книжное наследие, 2007. 272 с.
8. Жаравина Л.В. Поэзия как судьба. Мирообразы Варлама Шаламова. М.: Флинта, 2019. 248 с.
9. Жаравина Л.В. Противостояние злему добру: А.А. Ахматова – «Анна I» и «колымский синдром» В.Т. Шаламова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, Педагогические науки. 2018. №2 (125). С. 155–161.
10. Иванов Вяч. Вс. Поэзия Шаламова // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории. Сборник трудов международной научной конференции. Сост. и ред. С.М. Соловьев. М.: Литера. 2013. С. 31–41.
11. Иванова Н. Варлам Шаламов и Борис Пастернак: к истории одного стихотворения // Знамя. 2007. № 9. С. 198–207.
12. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Поэт и язык: к вопросу о поэтологических стратегиях М. Цветаевой и О. Мандельштама // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. №3. С. 103–106.
13. Кротова Д.В. Назначение искусства: концепция В.Т.Шаламова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 1. С. 55–62.

14. Макевнина И.А. Поэзия Варлама Шаламова: эстетика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 257 с.
15. Надыкто О.О. Экзистенциальные мотивы в поэзии Марины Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 18 с.
16. Надыкто О.О. Экзистенциальные мотивы в поэзии Марины Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 193 с.
17. Некрасова И. Теоретическое наследие Варлама Шаламова и его поэзия: опыт литературоведческого интегрирования // Поезд Шаламова. Проблемы российского самосознания: судьба и мировоззрение В.Т. Шаламова (к 110-летию со дня рождения). М.: Голос, 2017. С. 138–143.
18. Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. 600 с.
19. Саакянц А. Твой миг, твой день, твой век: жизнь Марины Цветаевой. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. 352 с.
20. Скрипова О.А. Эволюция поэтической системы Марины Цветаевой. Учебное пособие. Екатеринбург, б.и., 2018 (электронное издание).
21. Цветаева М.И. Собр. соч. в 7 тт. М.: Эллис Лак, 1994.
22. Цветкова М.В. Поэт, поэзия и творческий дар в художественном мире Марины Цветаевой // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. Кн. 1. С. 138–153.
23. Шаламов В. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: Эксмо, 2004. URL: <https://shalamov.ru/documents/11/3.html>
24. Шаламов В. Собр. соч. в 7 тт. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013.
25. Шаламов В. Собр. соч. в 4 тт. М.: Худ. лит., Вагриус, 1998.
26. Шаламов В. Стихотворения и поэмы. В 2 тт. Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. В.В. Есипова. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Изд-во «Вита Нова», 2020. Т. 1. 591 с.
27. Шаламов В. «Я мучаюсь и днем, и ночью...» // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 3.
28. Шевеленко И.Д. Литературный путь Цветаевой. Идеология, поэтика, идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.
29. Шрейдер Ю. «Граница совести моей...» // Новый Мир. 1994. №12. С. 226-229.
30. Эткинд Е. Материя стиха. СПб.: Гуманит. союз, 1998. 506 с.
31. Chandler R. The poetry of Varlam Shalamov (1907–82) // Times Literary Supplement. 2014. 7 March.

Поступила в редакцию 28.08.2020

Кротова Дарья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет
119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1
E-mail: da-kro@yandex.ru

D.V. Krotova

V. SHALAMOV AND M. TSVETAeva: RELATIONSHIP AND POLARITY OF POETIC WORLDS

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-578-588

The article is devoted to a comparative analysis of the figurative world and principles of poetic thinking of V. Shalamov and M. Tsvetaeva. The conclusions formulated contribute to the deepening of literary ideas about the genealogy of Shalamov as a poet, about his multi-level relationship with the heritage of the Silver Age. The article shows the features of kinship in the artistic consciousness of Shalamov and Tsvetaeva, as well as fundamental divergences. The comparative analysis touched such criteria as the perception of the phenomenon of poetry and the poet's personality, the understanding of the relationship between the poet and the world, the comprehension of the creative process, as well as the treatment of certain themes that are most significant in the lyrics of the named authors. It is proved that Shalamov and Tsvetaeva had a characteristic understanding of poetry as a kind of universal law of existence, the ontological basis of all things, which entailed certain traits of kinship in the vision of the personality of the creator, the interpretation of certain themes, in the peculiarities of poetic technique. Along with commonality, the fundamental differences of the analyzed artistic systems were also revealed, relating mainly to the problem of the relationship between the poet and the world, the poet and time, as well as a number of thematic aspects.

Keywords: Russian poetry, Shalamov, Tsvetaeva, the Silver Age, modernism, creative process, poet and time.

REFERENCES

1. Avramenko A.P. M.I. Tsvetaeva [M.I. Tsvetaeva] // *Istoriya russkoj literatury XX veka (20-90-e gody). Osnovnye imena.* [The history of Russian literature of the twentieth century (20-90s). Basic names]. Moscow, Omen Publ., 1998. Pp. 207–208. (In Russian).
2. Bal'mont K.D. Poeziya kak volshebstvo [Poetry as magic]. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/balmont-poezia-kak-v/balmont-poezia-kak-v.html> (In Russian).
3. Gasparov M.L. Marina Tsvetaeva: ot poetiki byta k poetike slova [Marina Tsvetaeva: from poetic of life to poetic of words]. URL: <http://philology.ru/literature2/gasparov-01.htm> (In Russian).
4. Gofman E. «Vidny carapiny royalya...»: O chetyryoh stihotvorenyah Varlama Shalamova na smert' Borisa Pasternaka [«Piano scratches are visible...»: About four poems by Varlam Shalamov to the death of Boris Pasternak] // *Znamya* [The Banner], 2015, № 3, pp. 198–207. (In Russian).
5. El'nickaya S. Poeticheskij mir Tsvetaevoj. Konflikt liricheskogo geroja i dejstvitel'nosti [The poetic world of Tsvetaeva. Conflict of lyrical hero and reality]. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1990. 409 p. (In Russian).
6. Esipov V.V. Stihy posle Kolymy (poeticheskij dnevnik Varlama Shalamova) [Poems after Kolyma (poetic diary of Varlam Shalamov)] // *Shalamov V. Stihotvoreniya i poemy. V 2 tt. Vstup. st., sost., podg. teksta i primech. V.V. Esipova. T. 1.* [Poems. In 2 vol. Introduction, compilation, preparation of the text and notes by V.V. Esipov. Vol. 1.] St. Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo Doma Publ., Vita Nova Publ., 2020. Pp. 5–70. (In Russian).
7. Esipov V.V. Varlam Shalamov i ego sovremenniki [Varlam Shalamov and his contemporaries]. Vologda: Knizhnoe nasledie Publ., 2007. 272 p. (In Russian).
8. Zharavina L.V. Poeziya kak sud'ba. Miroobrazy Varlama Shalamova [Poetry as destiny. World images of Varlam Shalamov]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 248 p. (In Russian).
9. Zharavina L.V. Protivostoyanie zloru dobry: A.A. Ahmatova – «Anna I» i «kolymskij sindrom» V.T. Shalamova [Confrontation with evil good: A.A. Akhmatova – «Anna I» and «Kolyma syndrome» of V.T. Shalamov] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Pedagogicheskie nauki* [News of Volgograd State Pedagogical University, Pedagogical Sciences], 2018, №2 (125), pp. 155–161. (In Russian).
10. Ivanov Vyach. Vs. Poeziya Shalamova [Shalamov's poetry] // *Varlam Shalamov v kontekste mirovoj literatury i sovetskoj istorii. Sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sost. i red. S.M. Solovyev* [Varlam Shalamov in the context of world literature and Soviet history. Collection of works of the international scientific conference. Comp. and ed. S. M. Solovyov]. Moscow, Litera Publ., 2013, pp. 31–41. (In Russian).
11. Ivanova N. Varlam Shalamov i Boris Pasternak: k istorii odnogo stihotvoreniya [Varlam Shalamov and Boris Pasternak: to the story of one poem] // *Znamya* [The Banner], 2007, № 9, pp. 198–207. (In Russian).
12. Kihnej L.G., Merkel' E.V. Poet i yazyk: k voprosu o poetologicheskikh strategiyah M. Tsvetaevoy i O. Mandel'shtama [Poet and language: to the question of poetic strategies of M. Tsvetaeva and O. Mandelstam] // *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [News of N.A. Nekrasov Kostroma State University], 2012, №3, pp. 103–106. (In Russian).
13. Krotova D.V. Naznachenie iskusstva: koncepciya V.T. Shalamova [Destination of art: Varlam Shalamov's concept] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2016, №1, pp. 55–62. (In Russian).
14. Makevnina I.A. Poeziya Varlama Shalamova: estetika i poetika [Poetry of Varlam Shalamov: aesthetics and poetics]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 [thesis ... cand. philol. sciences: 10.01.01]. Volgograd, 2006. 257 p. (In Russian).
15. Nadykto O.O. Ekzistencial'nye motivy v poezii Mariny Tsvetaevoy [Existential motifs in the poetry of Marina Tsvetaeva]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 [synopsis of a thesis ... cand. philol. sciences: 10.01.01]. Moscow, 2016. 18 p. (In Russian).
16. Nadykto O.O. Ekzistencial'nye motivy v poezii Mariny Tsvetaevoy [Existential motifs in the poetry of Marina Tsvetaeva]: diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2016. 193 p. (In Russian).
17. Nekrasova I. Teoreticheskoe nasledie Varlama Shalamova i ego poeziya: opyt literaturovedcheskogo integrirvaniya [The theoretical legacy of Varlam Shalamov and his poetry: experience of literary integration] // *Poezd Shalamova. Problemy rossijskogo samosoznaniya: sud'ba i mirovozrenie V.T. Shalamova (k 110-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Shalamov's train. Problems of Russian identity: the fate and worldview of V.T. Shalamov (on the 110th anniversary of birth)]. Moscow, Golos Publ., 2017. Pp. 138–143. (In Russian).
18. Revzina O.G. Bezmernaya Tsvetaeva: Opyt sistemnogo opisaniya poeticheskogo idiolekta [Immeasurable Tsvetaeva: Experience of a systemic description of a poetic idiolect]. Moscow, Dom-muzej Mariny Tsvetaevoy Publ., 2009. 600 p. (In Russian).
19. Saakyanc A. Tvoj mig, tvoj den', tvoj vek: zhizn' Mariny Tsvetaevoy [Your moment, your day, your age: the life of Marina Tsvetaeva]. Moscow, Knizhnyj Klub Knigovek Publ., 2016. 352 p. (In Russian).
20. Skripova O.A. Evolyuciya poeticheskoy sistemy Mariny Tsvetaevoy. Uchebnoe posobie. [The evolution of the poetic system of Marina Tsvetaeva. Tutorial]. Ekaterinburg, b.i., 2018 (elektronnoe izdanie [electronic edition]). (In Russian).
21. Tsvetaeva M.I. Sobr. soch. v 7 tt. [Collected works. In 7 vol.]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. (In Russian).

22. Tsvetkova M.V. Poet, poeziya i tvorcheskij dar v hudozhestvennom mire Mariny Tsvetaevoj [Poet, poetry and creative gift in the artistic world of Marina Tsvetaeva] // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki [Scientific notes of Kazan University. Humanities Series], 2017, vol. 159, book 1, pp. 138–153. (In Russian).
23. Shalamov V. Novaya kniga: Vospominaniya. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennye dela [The new book: Memories. Notebooks. Correspondence. Investigative cases]. Moscow, Eksmo Publ., 2004 // URL: <https://shalamov.ru/documents/11/3.html> (In Russian).
24. Shalamov V. Sobr. soch. v 7 tt. [Collected works. In 7 vol.]. Moscow, Knizhnyj Klub Knigovek Publ., 2013. (In Russian).
25. Shalamov V. Sobr. soch. v 4 tt. [Collected works. In 4 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaja Literatura Publ., Vagrius Publ., 1998. (In Russian).
26. Shalamov V. Stihotvoreniya i poemy. V 2 tt. Vstup. st., sost., podg. teksta i primech. V.V. Esipova [Poems. In 2 vol. Introduction, compilation, preparation of the text and notes by V. V. Esipov]. St. Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo Doma Publ., Vita Nova Publ., 2020. Vol. 1. 591 p. (In Russian).
27. Shalamov V. «Ya muchayus' i dnev, i noch'yu...» [«I suffer both day and night...»] // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI) [The Russian State Archive of Literature and Arts]. F. 2596. Op. 3. Ed. hr. 1. L. 3. (In Russian, unpublished).
28. Shevelenko I.D. Literaturnyj put' Tsvetaevoj. Ideologiya, poetika, identichnost' avtora v kontekste epohi [The literary path of Tsvetaeva. Ideology, poetics, identity of the author in the context of the epoch]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 448 p. (In Russian).
29. Shrejder Yu. «Granica sovesti moej...» [«The border of my conscience...»] // Novyj Mir [The New World], 1994, №12, pp. 226-229. (In Russian).
30. Etkind E. Materiya stiha [Matter of verse]. St. Petersburg, Gumanitarnyj soyuz Publ., 1998. 506 p. (In Russian).
31. Chandler R. The poetry of Varlam Shalamov (1907–82) // Times Literary Supplement. 2014. 7 March. (In English).

Received 28.08.2020

Krotova D.V., Candidate of Philology, Associate Professor
at Department of modern Russian literature and contemporary literary process
Lomonosov Moscow State University, philological faculty
Leninskie Gory, 1, Moscow, Russia, 119991
E-mail: da-kro@yandex.ru